

Чернега В.Н.¹, 2022

Сирия и Ливия в «державной» политике Франции

Аннотация. Сирийское и ливийское направления внешней политики Франции рассматриваются в статье в контексте более широкой темы – стремления Франции обеспечить себе «державную» роль в Средиземноморском регионе. В этой связи показывается, как в условиях недостатка финансово-экономических возможностей французская дипломатия при решении этой задачи пыталась и пытается опереться на ресурсы ЕС. В целом, однако, из-за слабого интереса несредиземноморских государств Евросоюза к данному региону Франции приходится в основном рассчитывать на собственные силы. Это касается, в частности, Сирии и Ливии, где в предыдущем десятилетии Франция утратила влияние из-за совершенных ею грубых ошибок и теперь прилагает усилия для того, чтобы вновь стать важным игроком. В статье анализируются причины и конкретные последствия ошибочной политики Франции в данных странах и стратегия президента Э. Макрона, направленная на выправление ситуации. Отмечается, что для его подхода характерен больший реализм, чем для подходов его предшественников Н. Саркози и Ф. Олланда. Вместе с тем в отношении Сирии Э. Макрон все же не смог или не осмелился

¹ Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, главный научный сотрудник ИНИОН РАН (v.n.tchernega@gmail.com).

преодолеть исходную концепцию отрицания сотрудничества с режимом Б. Асада, что предопределило сохранение маргинальной роли Франции в этой стране. Попытки Э. Макрона утвердиться в Ливии сначала с помощью маршала Х. Хафтара, затем посредством участия в процессе политического урегулирования принесли лишь эфемерный успех в виде проведения в ноябре 2021 г. международной конференции в Париже по вопросу урегулирования в Ливии. Франция пока не смогла потеснить в Ливии других международных игроков. В целом сирийский и ливийский примеры показывают несоответствие нынешних амбиций и возможностей Франции.

Ключевые слова: Средиземноморье, Франция, Сирия, Ливия, Мали, урегулирование.

Франция в Средиземноморье: проблема ресурсных возможностей

Для Франции Средиземноморье является частью ее истории, культуры, а в более прагматическом плане – сферой жизненно важных экономических, политических и военно-стратегических интересов. Через Средиземное море пролегают основные морские и воздушные пути, связывающие ее с Ближним Востоком, Магрибом и остальной Африкой. Французские элиты полагают и полагают, что влияние в этих регионах является одним из главных факторов поддержания «державного» статуса Франции. Официальный Париж издавна стремился утвердить свою ведущую роль в Средиземноморье. Однако уже с конца прошлого века из-за недостаточности финансово-экономических возможностей страны и по мере ее все большего вовлечения в процесс европейской интеграции французская дипломатия в решении данной задачи пыталась и пытается опереться на ресурсы ЕС. В этой связи стоит упомянуть, например, «барселонский процесс», запущенный по инициативе Ж. Ширака в 1995 г., официальной целью которого являлось образование «пространства мира, безопасности и совместного процветания» ЕС и «десятки» неевропейских средиземноморских государств (Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Ливан, Марокко, Сирия, Тунис, Турция и Палестинская автономия) [Deger, 2016]. По замыслу официального Парижа, этот проект должен был обеспечить приток инвестиций и кредитов в страны «десятки» со сто-

роны ЕС, и Франция как «знаток региона», располагающий в нем сетью формальных и неформальных связей, рассчитывала занять позицию лидера, что должно было способствовать росту ее влияния. Но «барселонский процесс» не принес заметных успехов прежде всего из-за слабого интереса к нему несредиземноморских стран Евросоюза; его результатом стали лишь соглашения об ассоциации и зоне свободной торговли, заключенные ЕС с Египтом, Иорданией, Марокко и Тунисом [Deger, 2016].

Тем не менее в 2007 г. Н. Саркози сразу после своего избрания на пост президента выступил с идеей создания «Союза за Средиземноморье» (СЗС; *фр.* Union pour la Méditerranée, UPM). Эта идея, по сути, развивала инициативу Ж. Ширака, но с одним принципиальным отличием: в СЗС должны были входить только прибрежные средиземноморские государства. Помимо таких стран – участниц ЕС, как Франция, Испания, Италия, Словения, Греция, Кипр, Мальта, к СЗС могли присоединиться вышеуказанная «десятка», а также Албания, Босния и Герцеговина, Черногория и Хорватия. Франция, таким образом, одновременно обеспечивала поддержку СЗС со стороны ЕС и свое лидерство в нем. Однако против этой схемы решительно выступили Германия и другие несредиземноморские страны Евросоюза. В конечном счете в «Союз за Средиземноморье», учрежденный на общем саммите ЕС и остальных названных государств в Париже в 2008 г., вошли 42 участника. ЕС насчитывал в тот момент, как и сегодня, 27 государств-членов (тогда в него входила Великобритания, но не было Хорватии).

Объединение в рамках «Союза за Средиземноморье» такого большого числа государств с несовпадающими, а иногда с диаметрально противоположными интересами предопределило его низкую эффективность. Несредиземноморские страны, как и во время работы «барселонского процесса», не проявляли существенного интереса к деятельности СЗС и не торопились давать «зеленый свет» финансированию предлагавшихся проектов. Особую значимость в данном вопросе имело отсутствие энтузиазма со стороны Германии, вносящей наибольший вклад в бюджет ЕС [Khabbachi, 2021].

Хотя СЗС все же осуществил ряд проектов, касавшихся в основном борьбы с климатическими изменениями, по общему мнению экспертов из стран-участниц, он не стал важным игроком в регионе. Как не без сарказма отмечал в 2021 г. обозреватель издающегося в Париже журнала «Молодая Африка» («Jeune Afrique») С. Хаббаши, организация со временем «превратилась в технократическую машину, место проведения чисто формальных встреч высокопоставленных чиновников государств-участников». Подчеркивая, что эти встречи почти не приносят практических результатов, С. Хаббаши указывает, что «даже в климатической области» СЗС не проявил себя в достаточной мере, поскольку его вклад «остался незаметным» при борьбе с лесными пожарами, которые все чаще опустошают средиземноморское побережье [Khabbachi, 2021].

Неудача проекта СЗС означала, что надежды Франции на продвижение своего лидерства в регионе с его помощью (или, иначе говоря, с использованием ресурсов ЕС) не оправдались. Конечно, Евросоюз оказывает Франции определенную политическую и дипломатическую поддержку – по тем или иным конкретным направлениям ее политики в Средиземноморье, связанным с интересами ЕС в этом регионе.

Президент Франции Э. Макрон, как и его предшественники, пытается включить Средиземноморье в число приоритетов ЕС. Но в основном Франции приходится полагаться на собственные ресурсы при проведении курса, направленного на обеспечение здесь своей «державной» роли. В 2019 г., например, Париж организовал в Марселе саммит десяти государств под названием «Два берега Средиземного моря», в котором помимо Франции участвовали Алжир, Ливия, Мавритания, Мальта, Марокко, Испания, Италия, Португалия и Тунис (Ливию представлял Ф. Сарадж, премьер-министр признанного ООН Правительства национального согласия) [Charillon, 2021, p. 120]. Предполагалось, что такие саммиты будут проходить чуть ли не ежегодно. Однако ожидаемого развития данная инициатива также не получила.

Конечно, официальный Париж стремится компенсировать эти неудачи активностью своей дипломатии в отдельно взятых го-

сударствах. Ниже рассматривается французская политика в отношении Сирии и Ливии. Выбор этих стран объясняется тем, что в их случае речь идет о попытках Парижа исправить свои грубые стратегические ошибки, допущенные в предыдущем десятилетии.

Сирийское фиаско

На протяжении длительного времени Франция пользовалась в Сирии значительным влиянием. В России и за рубежом много написано об их исторических связях. В настоящей статье представляется целесообразным лишь напомнить, что Французская Республика, получившая по Севрскому договору 1920 г. мандат на управление частью территории бывшей Османской империи (в эту часть входила почти вся нынешняя Сирия), стояла у истоков сирийской государственности. После подтверждения указанного мандата Лигой Наций (1922) в стране под контролем французской администрации была принята Конституция (1926), избран первый парламент (1928) и первый президент (1936), создана национальная армия. Последний факт следует отметить особо, так как стараниями французских чиновников, не доверявших суннитам, к которым относилось большинство сирийцев, более половины мест в офицерском корпусе заняли алавиты (последователи одного из ответвлений шиизма, 10–12% населения). В сирийском обществе алавиты прежде составляли маргинализированное и бедное меньшинство, страдавшее от нападков суннитов, которые не считали их настоящими мусульманами. Но их господствующая позиция в армии позволила в начале 1970-х годов алавитскому клану Асадов утвердиться во власти [Pichon, 2015, p. 38].

Важно также отметить, что, хотя в политических и экономических отношениях между Сирией и Францией были и взлеты, и падения, политическое наследие, заложенное длительным французским военным и административным присутствием, обычно способствовало возобновлению сотрудничества: например, после Суэцкого кризиса 1956 г., когда Дамаск разорвал дипломатические отношения с Парижем (они были восстановлены в 1961 г.). Дипломатия Пятой республики располагала в стране обширной сетью неформальных связей, в том числе и во властных кругах, а фран-

цузский язык сохранял сильные позиции в школах и университетах. После прихода к власти в 2000 г. Б. Асада, стремившегося модернизировать страну на основе либеральной экономической политики, Париж даже стал расширять контакты с Дамаском. «Инцидент», связанный с убийством в 2005 г. премьер-министра Ливана Р. Харири, ответственность за которое «коллективный Запад» возложил на сирийские спецслужбы, побудил Ж. Ширака приостановить этот процесс, однако Н. Саркози счел необходимым «реанимировать» его. В 2008 г. Б. Асад участвовал в вышеупомянутом саммите в Париже, на котором был учрежден СЗС, более того, он был приглашен в качестве почетного гостя на парад по случаю национального праздника Франции 14 июля.

Однако в 2011 г., когда в Сирии началась гражданская война, официальный Париж уже считал Б. Асада жестоким и коррумпированным диктатором, а восстания в ряде районов страны – законной реакцией народа на его правление. Французский арабист Ф. Пишон выделяет две причины этого поворота.

Во-первых, Н. Саркози, стремившийся укрепить отношения с США, охладившиеся после того, как Ж. Ширак осудил вторжение США в Ирак (2003), поддержал жесткое давление, которое официальный Вашингтон оказывал на Иран с афишируемой целью добиться свертывания его ядерной программы и менее афишируемой – сменить существующий в стране режим [Pichon, 2015, p. 42]. Стоит заметить (в скобках), что впоследствии, при Ф. Олланде, Франция заняла самую жесткую позицию в отношении иранской ядерной программы и во время переговоров по заключению Совестного всеобъемлющего плана действий (СВПД) выдвигала все новые требования к Тегерану, что вызвало раздражение даже в Вашингтоне [Charillon, 2021, p. 20]).

Однако Б. Асад, рассматривавший шиитский Иран как естественного союзника, отказался поддерживать антииранскую политику Запада. Нападение «коалиции желающих» во главе с США на Ирак (2003) лишь укрепило его убеждение в правильности этой позиции. Иначе говоря, Б. Асад стал геополитическим противником США и их союзников, в том числе официального Парижа. «Арабская весна» в Тунисе и Египте, успех франко-британской

военной интервенции в Ливии в 2011 г., приведшей к ликвидации М. Каддафи и его режима, породили у правящих элит Пятой республики уверенность, что с помощью вооруженной сирийской оппозиции Б. Асада можно будет легко свергнуть. Поэтому Н. Саркози в марте 2012 г. объявил о закрытии французского посольства в Дамаске и признании законным представителем страны оппозиционного Сирийского национального совета [Pichon, 2015, p. 43]. Одновременно Франция направила в помощь оппозиционным силам несколько десятков военных советников и начала поставлять оппозиционерам оружие. Часть советников погибла, некоторые попали в плен к сирийским военным, но в апреле 2012 г. Дамаск возвратил их Франции в качестве жеста доброй воли. Однако ситуация не изменилась: Ф. Олланд, пришедший к власти в мае 2012 г., занял в отношении режима Б. Асада еще более жесткую позицию [Hureauux, 2015].

Во-вторых, Франция была связана многомиллиардными контрактами в экономической (в том числе военно-технической) области с Саудовской Аравией и Катаром. Помимо уже заключенных контрактов в нефтегазовом секторе французские компании привлекала возможность заключить громадные контракты на поставки вооружений в эти страны и на участие в модернизации их инфраструктуры. В 2011–2020 гг. экспорт французских вооружений в обе страны составил 26 млрд евро [Maussion, 2021]. Катар только в рамках подготовки к чемпионату мира по футболу 2022 г. запланировал истратить 170 млрд евро. В свою очередь, сам Катар инвестировал во Францию более 13 млрд евро 2007–2012 гг. [Pichon, 2015, p. 92–93].

Саудовская Аравия и Катар, несмотря на постоянное соперничество между ними, проводили общий курс на безусловное уничтожение сирийской светской власти, ориентированной на Иран – их традиционного противника. В предшествующий период, пользуясь значительными возможностями для иностранных инвестиций, предоставленными режимом Б. Асада, они осуществили ряд крупных строительных проектов в Сирии, но одновременно открыли там сеть мечетей и исламских школ салафитского толка. Экономический либерализм сирийской власти, приведший

к углублению социального неравенства и увеличению коррупции, содействовал росту популярности исламистской идеологии, продвигаемой салафитами. Структуры «Исламского государства»* и различных ответвлений «Аль-Каиды»* смогли быстро занять доминирующие позиции в стане сирийской оппозиции, утвердившись на заранее подготовленной почве, а также благодаря прямой поддержке со стороны Саудовской Аравии и Катара. Однако западные столицы, включая Париж, долгое время предпочитали это не замечать [Mariotti, 2021, p. 36].

В конечном счете демократическая Франция вместе с США и рядом других стран – участниц НАТО составили «антибашаровский альянс» с этими двумя авторитарными государствами, к которому вскоре добавились ОАЭ и Бахрейн. Казалось бы, поддержка сирийских оппозиционных движений теократическими государствами должна была насторожить французский истеблишмент. Однако в большинстве своем его представители, особенно дипломаты (среди которых преобладали не специалисты-страноведы, а «универсалы-гуманисты» [Pichon, 2015, p. 45]), очень хотели считать сирийских оппозиционеров «борцами за демократию», а потому «не замечали», что с самого начала конфликта наиболее активной и организованной силой среди оппозиции были исламисты. Более того, как пишет, например, французский журналист Р. Юро, вышеупомянутые французские военные советники, направленные в Сирию, чтобы обучать оппозиционеров и способствовать поставкам оружия (главным образом через Катар) бойцам Свободной сирийской армии (ССА), скоро убедились в том, что многие их «подопечные» из ССА вместе с этим оружием через какое-то время «перетекают» в лагеря исламистов [Hureauux, 2015].

Тем не менее МИД Франции продолжало продвигать старый тезис о «народной демократической революции», которая должна свергнуть «тирана, истребляющего собственный народ». Этот тезис распространяли и ведущие французские СМИ [Pichon, 2015, p. 51–52].

Франция принимала активное участие в деятельности так называемой «Группы друзей Сирии», созданной в 2012 г. Помимо Франции в «Группу» вошли Великобритания, Германия, Египет,

Катар, Иордания, Саудовская Аравия, США, Турция. В конференциях, организованных под эгидой «группы», участвовали более 60 стран, ЕС, ООН, ряд других международных организаций, а также Сирийский национальный совет, который «Группа друзей Сирии» признала законным представителем сирийцев. Официальной целью «группы» было покончить с насилием в стране и организовать гуманитарную помощь ее населению. На деле, как отмечала близкая к французской социалистической партии газета «Либерасьон», «Группа друзей Сирии» в первую очередь занималась продвижением политических и экономических санкций против Дамаска, а также стремилась обеспечить международное признание вышеуказанного статуса Сирийского национального совета вне СБ ООН (чтобы обойти возможное вето Китая и России). Однако, по мнению газеты, все усилия «группы» оказались напрасными, потому что в августе 2013 г., когда в пригороде Дамаска правительственные сирийские войска якобы применили химическое оружие, Великобритания и США отказались наносить воздушные удары по армии и военным объектам Сирии (на чем настаивал Ф. Олланд). США согласились с предложением России об уничтожении химического оружия Сирии под международным контролем, с участием Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО). Таким образом, шанс сокрушить режим Б. Асада и радикально изменить ситуацию в пользу «демократической оппозиции» был упущен [Mardam-Bey, 2016]. Французский журналист-ближневосточник А. Марьотти пишет, что Ф. Олланд, который «до последнего момента» был уверен, что президент Б. Обама отдаст приказ о бомбардировках, и привел соответствующие французские силы в состояние боевой готовности, «был взбешен» таким поворотом событий. Но ему не оставалось ничего другого, как «следовать» соглашению, заключенному США и Россией в Женеве в сентябре 2013 г. [Mariotti, 2021, p. 123].

В сентябре 2014 г. в рамках международной военной интервенции против «Исламского государства»*, проводившейся коалицией во главе с США, Франция начала в Ираке операцию «Шаммаль». Но Ф. Олланд не хотел распространять операцию на сирийскую территорию, поскольку считал, что удары по против-

никам Б. Асада будут объективно выгодны сирийскому лидеру. Однако продвижение ИГ* по сирийской территории, исламистские террористические акты в самой Франции, в частности нападение на редакцию журнала «Шарли Эбдо» и захват супермаркета кошерных продуктов в Париже в январе 2015 г., побудили Ф. Олланда в сентябре 2015 г. отдать приказ о нанесении воздушных ударов по силам ИГ* в Сирии [Rouchard, 2015]. Тот факт, что редакцию «Шарли Эбдо» расстреляли сторонники «Аль-Каиды»*, к тому времени, видимо, уже не имел значения. К тому же террористические акты, совершенные приверженцами ИГ* в Париже 13 ноября 2015 г., повлекшие множество жертв, подтвердили актуальность данного решения.

Однако, поскольку Ф. Олланд по-прежнему отвергал любую возможность сотрудничества с Дамаском, подчеркивая, что «Асад должен уйти» [Ibid.], данное вмешательство не привело к восстановлению роли Франции в Сирии как значимого игрока. Ф. Олланд также отвергал и возможность бороться против ИГ* совместно с Россией. Лишь теракты в Париже в 13 ноября 2015 г. побудили его заговорить о желательности создания «единой коалиции» с РФ. Продвигая эту инициативу, он в том же месяце посетил Вашингтон и Москву, где встретился с Б. Обамой и В. Путиным. Но если российский президент выразил интерес к инициативе Ф. Олланда, Б. Обама, по сути, ответил отказом, и Ф. Олланд больше об этом не заговаривал [Paris, Mandraud, 2015].

Пришедший к власти во Франции в мае 2017 г. Э. Макрон, которого его противники иногда называют «синтетическим президентом» из-за его стремления опираться в политике на противоречащие друг другу установки, попытался придать сирийскому курсу более реалистичную направленность, стараясь при этом не входить в конфликт с доминирующими представлениями французского истеблишмента. Уже в июне 2017 г. он сделал сенсационное заявление, что Франция больше не считает уход Б. Асада обязательным предварительным условием урегулирования сирийского конфликта [Semo, 2017]. В августе того же года, выступая на ежегодной конференции французских послов, Э. Макрон указал на необходимость вести диалог по урегулированию конфликта с Рос-

сией, Ираном и Турцией. Он признал также, что отстранение Б. Асада могло привести к нежелательному ослаблению сирийских государственных институтов, но при этом заявил, что впоследствии его нужно будет судить «за совершенные преступления против своего народа» [Discours ..., 2017]. Очевидно, что никакой компромисс с сирийской властью на такой основе был невозможен.

Дальнейшая политика Э. Макрона на сирийском направлении была столь же противоречивой. В апреле 2018 г. Франция, Великобритания и США под предлогом того, что сирийский режим, несмотря на договоренности 2013 г., применил химическое оружие в г. Дума в пригороде Дамаска, нанесли ракетные удары по сирийским химическим предприятиям. В том же месяце состоялось заседание созданной по инициативе Парижа так называемой «Малой группы по Сирии» (Франция, Великобритания, Германия, Иордания, Саудовская Аравия, США), на котором Э. Макрон заявил, что необходимо «оторвать» Турцию в «сирийском вопросе» от России и Ирана [Syrie : le «small group» ..., 2018]. Вместе с тем в июле того же года Франция совместно с Россией передала гуманитарную помощь в Восточную Гуту – шаг, вызвавший осуждение со стороны ЕС, НАТО и большей части французского истеблишмента [Barthe, Sallon, Mandraud, 2018]. В октябре 2018 г. Э. Макрон принял участие в саммите по сирийскому урегулированию в Стамбуле, в котором помимо него участвовали руководители России, Турции и Германии. Участники саммита выразили поддержку женевскому процессу по урегулированию в Сирии под эгидой ООН, в то же время отметив позитивную роль других не противоречащих ему политико-дипломатических инициатив, способствующих установлению мира. Но, как указывает А. Мариотти, после Стамбульского саммита официальный Париж сделал все возможное, чтобы помешать переговорам в «астанинском формате», объединившем Россию, Турцию и Иран: «Франция, в частности, употребила весь свой политический вес, чтобы Сирийские демократические силы (объединяющие прежде всего курдов. – В.Ч.) не участвовали в этих переговорах, чтобы Европейский союз остался в стороне и чтобы поддержка ООН была сведена к минимуму» [Mariotti, 2021, p. 285].

Э. Макрон неоднократно выступал в поддержку военного присутствия США в Сирии. Но в октябре 2019 г. ему пришлось пережить глубокое разочарование, когда по приказу Д. Трампа американские силы в угоду Турции оставили контролируемые курдами территории, даже не проинформировав предварительно о своих намерениях французских союзников, которые также вооружали и обучали курдские формирования. Как известно, после этого Э. Макрон сделал громкое заявление о «смерти мозга НАТО» [Emmanuel Macron ..., 2019]. Разочарование президента Франции было тем более сильным, что еще в марте 2018 г., после того как турецкие войска атаковали курдов в сирийском районе Африн, он вступил в личную полемику с президентом Турции Р. Эрдоганом, в ответ на что Р. Эрдоган обвинил Францию «в пособничестве курдским террористам» [Jégo, Kaval, 2018].

Дальнейшее развитие событий французские политики, эксперты и журналисты единодушно характеризуют как «фиаско» сирийского курса официального Парижа. Как известно, режим Б. Асада выстоял и с помощью России и Ирана восстановил контроль над большей частью страны (см., напр.: [Долгов, 2020; Манойло, 2020]). Франция фактически утратила возможность влиять на ситуацию в Сирии. Политика Э. Макрона в отношении Сирии оказалась столь же безуспешной, как и у его предшественника Ф. Олланда. Франция не смогла стать значимым игроком в этой стране.

После 2020 г. Э. Макрон явно утратил интерес к «сирийской проблеме» и не выдвигал больше значимых инициатив, связанных с урегулированием конфликта. Он несколько раз обличал бомбовые удары, которые сирийская армия и российские ВКС наносили по территориям в Идлибе, удерживаемым, по его словам, «оппозицией» (хотя, например, французский журнал «Конфликты» в апреле 2022 г. указывал, что эти территории в основном контролируют джихадисты из группировки «Хайат Тахрир-аш-Шам»* при поддержке Турции и США [Balanche, 2022]). В марте 2021 г. Э. Макрон заявил, что «Франция будет и дальше бороться в Сирии с терроризмом в рамках международной коалиции и вместе с Сирийскими демократическими силами, а также поддерживать уре-

гулирование под эгидой ООН – единственно приемлемое решение»; в июле того же года он встретился в Елисейском дворце с «делегацией сирийского Северо-Востока» (состав делегации не оглашался), которой пообещал гуманитарную помощь на сумму в 100 млн евро [Syrie : comprendre ..., 2022; Macron rencontre ..., 2021]. Вместе с тем Э. Макрон попытался хотя бы частично компенсировать сирийскую неудачу на ливийском направлении.

Ливия: «выстрел себе в ногу»

В отличие от Сирии, французское военное и административное присутствие в Ливии было очень ограниченным. В территориальном отношении Франция уделяла основное внимание исторической области Феззан (Феццан) на юго-западе Ливии, географически и исторически связанной с ее бывшими колониями в Сахеле, в частности с Нигером, Чадом, Мали.

После того как Италия, владевшая большей частью нынешней территории Ливии, потерпела поражение во Второй мировой войне, Франция до 1951 г. управляла этими территориями и претендовала на сохранение контроля над ними и в дальнейшем. Однако под давлением СССР и США весь этот регион был передан под опеку ООН, а в декабре 1951 г. здесь было официально провозглашено независимое государство – Королевство Ливия. С 1986 г., по инициативе лидера страны полковника М. Каддафи, пришедшего к власти в 1969 г., оно именовалось Великая Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия.

Франко-ливийские отношения, как и франко-сирийские, развивались очень неровно. В частности, их развитию препятствовала поддержка, которую режим М. Каддафи оказывал «революционным движениям», рассматриваемым в западных странах как террористические, например Ирландской республиканской армии (ИРА) [Lugan, 2022, p. 181]. Еще более негативное влияние оказали теракты, в которых страны «коллективного Запада» обвиняли ливийские спецслужбы, – подрыв самолета американской компании «Пан Американ» над шотландским городком Локерби в декабре 1988 г. и особенно – самолета французской компании «Юта» над Мали в 1989 г. Франция активно способствовала приня-

тию Советом Безопасности ООН резолюции 748 от 31 марта 1992 г. о введении санкций против Ливии, в том числе запрета полетов в эту страну и из нее [Lugan, 2022, p. 182].

Напряженность в отношениях объяснялась также и тем, что при М. Каддафи Ливия стремилась распространить свое влияние на зону Сахеля, находившуюся под французским контролем, прежде всего на Чад. В 1980-е годы французские и ливийские силы неоднократно сталкивались во время гражданской войны в этой стране, в ходе которой Париж и Триполи поддерживали противоборствующие стороны. Вмешательство Франции сыграло решающую роль в том, что продвигавшийся М. Каддафи проект объединения Ливии и Чада в единую «Исламскую республику Сахель» потерпел неудачу [Touchard, 2014]. Двусторонние связи между Францией и Ливией долгое время не развивались, хотя французский бизнес (в первую очередь, энергетическая компания «Эльф-Акитен», поглощенная компанией «Тоталь» в 2000 г.) проявлял к Джамахирии значительный интерес.

Ситуация изменилась к лучшему в 2003 г., когда Ливия согласилась выплатить возмещение семьям погибших в вышеуказанных авиакатастрофах и с Джамахирии были сняты санкции ООН. Улучшению имиджа режима способствовали также отказ Ливии в 2003 г. от разработок в области военного использования атомной энергии и от разработки ОМП в целом, а также присоединение страны в 2004 г. к Договору о нераспространении ядерного оружия.

Ливийский лидер вновь сделался «рукопожатным», что позволило значительно оживить франко-ливийские связи. В 2007 г. по приглашению президента Н. Саркози М. Каддафи совершил государственный визит во Францию, в ходе которого были подписаны договоры о развитии сотрудничества на сумму более 10 млрд евро. Договоренности касались, в частности, строительства в Ливии ядерного реактора силами французской компании «Арева», поставок 14 французских многоцелевых самолетов «Рафаль» для ливийской армии, покупки 21 пассажирского самолета «Аэробус» ливийской национальной авиакомпанией «Ливийские авиалинии» [Veron, 2011]. Но до практической реализации, как констати-

ровал в феврале 2011 г. французский журнал «Экспресс», были доведены только договор о покупке «Аэробусов» и небольшая сделка в области электроснабжения. По мнению журнала, Н. Саркози, закрывший глаза на «террористическое прошлое» М. Каддафи, в ответ получил в основном обещания [Veron, 2011].

Подобные статьи появлялись в то время и в других французских газетах и журналах. Это было не случайно: в январе 2011 г. в ливийском городе Мисрата начались первые выступления против режима, а уже 20 марта ВС Франции, Великобритании, США и ряда других стран, воспользовавшись резолюцией 1973 Совета Безопасности ООН от 17 марта 2011 г. об установлении бесполетной зоны над Ливией, начали наносить ракетно-бомбовые удары по войскам М. Каддафи. Как известно, в октябре того же года ливийский лидер был убит без суда толпой оппозиционеров. Ливийское государство перестало существовать.

О причинах принятого решения об интервенции французские эксперты спорят до сих пор. Одни утверждают, что Н. Саркози хотел таким образом усилить роль Франции в Средиземноморье и заодно реабилитировать себя за то, что с большим опозданием поддержал протестные движения «арабской весны» в Тунисе и Египте (конец 2010–2011 г.), впоследствии распространившиеся на другие страны Магриба и Ближнего Востока [Charillon, 2021, p. 117]. Другие выдвигают на первый план желание французского президента «наказать» М. Каддафи за упомянутые выше невыполненные обещания по заключению контрактов с французскими корпорациями [Lugan, 2022, p. 193]. Распространена версия, что заодно Н. Саркози хотел заставить своих оппонентов забыть о том, что М. Каддафи (по утверждению его сына Сейфа аль-Ислама Каддафи) финансировал его избирательную кампанию на выборах главы государства в 2007 г. [Bobin, Piel, Tilouine, 2018] (стоит отметить, что в 2018 г. французская прокуратура завела уголовное дело по этому поводу, которое продолжается до сих пор [Financement ..., 2021]). Французские журналисты Ф. Арфи и Л. Ласке, проводившие собственное расследование, утверждают, что имело место переплетение интересов силовых

структур, нефтяного бизнеса и личных мотиваций Н. Саркози, что подтолкнуло его к этому шагу [Arfi, Laske, 2017].

Важно отметить, что, хотя в 2011 г. французский истеблишмент и СМИ дружно поддержали интервенцию, сейчас они единодушно признают, что тогда была совершена стратегическая ошибка. Например, профессор Высшей военной школы Сен-Сир (*фр.* *École spéciale militaire de Saint-Cyr*) Б. Люган, специалист по истории стран Магриба, пишет, что при несомненно диктаторском характере правления М. Каддафи и его эксцентричности ливийскому лидеру нужно поставить в заслугу то, что он долгое время обеспечивал единство страны: «Когда ООН создавала ливийское государство в 1951 г., она совершенно не учитывала весьма различающиеся географические, исторические, религиозные, культурные и политические реалии этой территории» [Lugan, 2022, p. 110].

Б. Люган указывает, что основные регионы Ливии – Триполитания, Киренаика и Феззан – всегда значительно отличались друг от друга, а племена, жившие в южной части страны, строили свои отношения с центральной властью на договорной основе. В Мисрате было довольно сильным турецкое влияние, что было связано, помимо прочего, с присутствием в регионе движения «Братья-мусульмане», пользующегося поддержкой Стамбула. Однако М. Каддафи пресекал исламистскую экспансию. Кроме того, при М. Каддафи Ливия была барьером на пути потоков мигрантов из Африки, пытающихся попасть в Евросоюз. Сами ливийцы не стремились покинуть страну, так как, в отличие от соседнего Алжира, где элиты присваивали себе основную часть нефтедоходов, режим М. Каддафи тратил огромные средства на поддержание жизненного уровня населения – самого высокого в северной части африканского континента [Lugan, 2022, p. 134].

В результате западной интервенции все эти позитивные факторы были уничтожены, а раздираемая гражданским конфликтом Ливия стала транзитной территорией для беженцев, направлявшихся в ЕС. Исламистские группировки укоренились в Феззани, откуда распространили свое влияние на бывшие французские колонии в Сахеле; туда же хлынул поток оружия из бывших арсеналов ливийской армии. Рост исламистской угрозы за-

тронул Мали, Чад, Нигер, Буркина-Фасо, Мавританию (государства так называемой Сахельской пятерки). Эти страны важны для Франции не только с точки зрения сохранения ее политического влияния и военного присутствия на африканском континенте, но и в экономическом плане, поскольку располагают значительными природными ресурсами стратегического характера (залежи урановых руд, редкоземельные металлы, а также нефтяные месторождения в Мавритании и Нигере) [Badie, Vidal, 2021, p. 193].

В Мали после захвата значительной части страны исламистами и отрядами туарегов Франции пришлось в 2013 г. начать военную операцию «Сервал», которая в 2014 г. трансформировалась в миссию «Бархан». Непосредственное участие французских военных в боевых действиях сопровождалось усилиями, направленными на повышение боеспособности правительственных армий государств «Сахельской пятерки» [Сидоров, 2018]. Однако, несмотря на поддержку Евросоюза и логистическую помощь США, операция закончилась неудачей. По мнению французских экспертов, главная причина провала заключалась в том, что Париж делал ставку на коррумпированные малийские правительства, оказавшиеся крайне неэффективными в решении насущных социальных проблем населения (нищета, дефицит питьевой воды), притом что исламисты, укрепившие свои позиции благодаря ливийскому кризису, оказывали довольно значительную помощь поддерживающим их жителям [Badie, Vidal, 2021, p. 107; Charillon, 2021, p. 124].

В мае 2021 г. малийские военные совершили государственный переворот, и, поскольку Франция осудила их действия, отношения между Парижем и Бамако существенно обострились. В октябре 2021 г. президент Э. Макрон был вынужден объявить о начале вывода французских войск из Мали (прежде всего в Нигер). Во французских СМИ появились сообщения о сближении Мали с РФ; МИД Франции и Елисейский дворец также неоднократно выражали свою обеспокоенность по этому поводу [Le Cam, Bensimon, Vincent, 2021]. В январе 2022 г. дело дошло до высылки французского посла из Бамако (малийский посол покинул Париж еще в 2020 г. и не был заменен) [Bourdillon, 2022].

Таким образом, осуществив интервенцию в Ливии, Н. Саркози невольно способствовал исламистской экспансии в Сахеле и ослаблению там французских позиций. По сути, Париж «выстрелил себе в ногу». Уже при Ф. Олланде Франции пришлось вмешаться в гражданскую войну в Ливии, чтобы попытаться хотя бы ослабить исходящую оттуда исламистскую угрозу.

Первоначальный хаос в Ливии сменился противостоянием двух основных лагерей. Один из них – Ливийская национальная армия (ЛНА) маршала Х. Хафтара, контролировавшая значительную часть страны (прежде всего восточные области). На этих территориях были сформированы парламент и так называемое «восточное правительство» Ливии. Второй лагерь сформировался вокруг Правительства национального согласия (ПНС), образованного в 2015 г. в Триполи и признанного ООН. Франция также признала это правительство, но одновременно оказывала помощь маршалу Х. Хафтару – прежде всего, чтобы поддержать его борьбу с исламистами, а в более широком плане – в расчете на политические и экономические дивиденды в случае его победы в стране. Х. Хафтара поддерживали также Египет, ОАЭ и, как утверждают французские эксперты, Россия [Badie, Vidal, 2021, p. 108].

ЛНА, которой помогали французские военные советники, смогла нанести значительный урон исламистским силам, в частности в Бенгази, и установить контроль над нефтеналивными портами Рас-Лануф и Эс-Сидр. Одновременно ЛНА потеснила силы ПНС. Э. Макрон после прихода к власти в мае 2017 г. вначале продолжил линию на поддержку маршала Х. Хафтара. Вместе с тем уже в июле 2017 г. он организовал во Франции встречу между Х. Хафтаром и Ф. Сараджем, который в 2016 г. стал премьер-министром ПНС. Однако реальное согласие между ними достигнуто не было [Lema, 2020].

Стоит отметить, что в 2018 г. Э. Макрон отмежевался от интервенции 2011 г. Он заявил, что «идея, что можно урегулировать ситуацию в стране силой и в одностороннем порядке, является ложной». Он подчеркнул также, что «Европа, США и некоторые другие государства несут свою долю ответственности за ливийскую ситуацию» (цит. по: [Bobin, Pietralunga, 2018]). Судя по тому,

что эти заявления были сделаны в Тунисе, они были рассчитаны не только на ливийцев, но и на арабское общественное мнение в целом.

Как выяснилось, Э. Макрон проявил дальновидность, поскольку ставка на победу Х. Хафтара не оправдала себя. Помощь (в первую очередь, поставки оружия), которую оказывала ПНС Турция, способствовала тому, что наступление Х. Хафтара на Триполи, начатое весной 2019 г., провалилось, и ЛНА была вынуждена отступить. К лету 2020 г. ее поражение стало очевидным, хотя «благодаря помощи России она сохранила сильные позиции в Киренаике» [Lema, 2020]. Парижу пришлось переориентироваться на ПНС и на достижение мирного урегулирования между двумя лагерями. Одновременно французская дипломатия начала делать акцент на необходимости «ухода из Ливии иностранных держав». Как указывают французские эксперты, речь идет прежде всего о Турции и России [Badie, Vidal, 2021, p. 108]

Однако угроза утраты позиций в Ливии исходила для Франции не только от названных стран. Важнейший ее партнер по ЕС Германия в январе 2020 г. и июне 2021 г. организовала в Берлине две конференции, посвященные мирному ливийскому урегулированию, в результате которых удалось заключить соглашения о прекращении огня между ЛНА и ПНС и сформировать коалиционное Правительство национального единства (ПНЕ). Предполагалось, что 24 декабря 2021 г. оно проведет президентские и парламентские выборы [Deuxième conférence ..., 2021]. Французская дипломатия перестроилась и активно участвовала в работе этих конференций. В феврале 2021 г. она содействовала переговорам на Форуме ливийского политического диалога под эгидой ООН по вопросу об образовании ПНЕ. Вместе с тем Франция попыталась перехватить инициативу. В ноябре 2021 г. благодаря настойчивости Э. Макрона в Париже состоялась международная конференция под эгидой ООН и при поддержке ЕС, на которой, с согласия ливийских представителей, было «финализовано» решение о проведении указанных выборов в указанную дату [Ricard, 2021]. Однако выборы не состоялись ни 24 декабря 2021 г., ни 24 января 2022 г., как предлагала Высшая избирательная комиссия Ливии [Présidentielle ...,

2021]. Новая дата на момент написания настоящей статьи (апрель 2022 г.) еще не назначена. Дипломатический успех Франции, таким образом, оказался эфемерным.

Попытавшись занять место ведущего участника урегулирования и дальнейшего гаранта стабильности и безопасности как на сирийском, так и на ливийском направлениях, Франция оказалась неспособна обеспечить свою заявку необходимыми ресурсами и, кроме того, совершила ряд существенных ошибок в использовании политико-дипломатического и военного инструментария. Это стало причиной значительного ослабления позиций Пятой республики в Средиземноморье и нанесло определенный урон ее «державному» имиджу в целом.

Литература/References

Долгов Б.В. (2020). Сирийский кризис на новом этапе : 2017–2019 // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 2. – С. 122–144 [Dolgov B.V. (2020). Syrian crisis at the new stage: 2017–2019 [*Siriiskii krizis na novom etape : 2017–2019*] // Current problems of Europe / INION RAS. – Moscow. – N 2. – P. 122–144] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2020.02.05.

Манойло А.В. (2020). Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 2. – С. 145–172 [Manoilov A.V. (2020). Conflict in Syria and Russian foreign policy activism [*Konflikt v Sirii i vneshnyaya politika Rossii*] // Current problems of Europe / INION RAS. – Moscow. – N 2. – P. 145–172] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2020.02.06.

Сидоров А.С. (2018). Франция в Сахеле : текущие проблемы и возможное развитие конфликта // Актуальные проблемы Европы / ИНИОН РАН. – Москва. – № 4. – С. 116–136 [Sidorov A.S. (2020). France in the Sahel : current problems and eventual development of the military conflict [*Frantsiya v Sakhele : tekushchie problemy i vozmozhnoe razvitie konflikta*] // Current problems of Europe / INION RAS. – Moscow. – N 4. – P. 116–136] (In Russian). DOI: 10.31249/ape/2018.04.06.

Arfi F., Laske K. (2017). Avec les compliments du Guide : Sarkozy – Kadhafi, l'histoire secrète. – Paris : Editions Artème Fayard. – 400 p.

Badie B., Vidal D. (2021). La France, une puissance contrariée : l'état du monde 2022. – Paris : Editions La découverte. – 262 p.

Balanche F. (2022). Idleb : un fief djihadiste en surcis // *Conflits*. – Paris. – 16.04. – URL: <https://www.revueconflits.com/idleb-un-fief-djihadiste-en-surcis/> (date of access: 04.08.2022).

Barthe B., Sallon H., Mandraud I. (2018). En Syrie, une opération humanitaire franco-russe à la tonalité très politique // *Le Monde*. – Paris. – 25.07. – URL: https://www.lemonde.fr/syrie/article/2018/07/25/en-syrie-une-operation-humanitaire-a-la-tonalite-tres-politique_5335544_1618247.html (date of access: 04.08.2022).

Bobin F., Piel S., Tilouine J. (2018). Le fils de Kadhafi réitère ses accusations contre Sarkozy sur le financement de sa campagne // *Le Monde*. – Paris. – 11.09. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2018/09/11/le-fils-de-kadhafi-reitere-ses-accusations-contre-sarkozy-sur-le-financement-de-sa-campagne_5353229_3211.html (date of access: 04.08.2022).

Bobin F., Pietralunga C. (2018). A Tunis, Macron critique l'intervention militaire de l'OTAN en Libye en 2011 // *Le Monde*. – Paris. – 01.02. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2018/02/01/a-tunis-emmanuel-macron-critique-l-intervention-militaire-de-l-otan-en-libye-de-2011_5250601_3212.html (date of access: 04.08.2022).

Bourdillon Y. (2022). Le Mali expulse l'ambassadeur de France // *Les Echos*. – Paris. – 31.01. – URL: <https://www.lesechos.fr/monde/Afrique-moyen-orient/le-mali-expulse-l-ambassadeur-de-france-1383360> (date of access: 04.08.2022).

Charillon F. (2021). *La France dans le monde*. – Paris : CNRS Editions. – 222 p.

Deger M. (2016). Union pour la Méditerranée : le naufrage du projet de Sarkozy // *OBS*. – Paris. – 14.11. – URL: <https://www.nouvelobs.com/rue89/rue89-monde/20101116.RUE9459/union-pour-la-mediterranee-le-naufrage-du-projet-de-sarkozy.html> (date of access: 04.08.2022).

Deuxième conférence de Berlin sur la Libye : une nouvelle phase pour la paix en Libye. (2021) / *Auswärtiges Amt*. – Berlin. – 23.06. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/fr/newsroom/2467900> (date of access: 04.08.2022).

Discours du Président de la République à l'ouverture de la conférence des Ambassadeurs. (2017) / *Élysée*. – Paris. – 29.08. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/08/29/discours-du-president-de-la-republique-a-l-ouverture-de-la-conference-des-ambassadeurs> (date of access: 04.08.2022).

Emmanuel Macron in his own words (French). (2019) // *Economist*. – Paris. – 07.11. – URL: <https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macron-in-his-own-words-french> (date of access: 04.08.2022).

Financement libyen : la Cour de cassation rejette tous les recours de Nicolas Sarkozy et de ses proches. (2021) // Le Monde. - Paris. - 01.12. - URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2021/12/01/financement-libyen-la-cour-de-cassation-rejette-tous-les-recours-de-nicolas-sarkozy-et-de-ses-proches_6104360_823448.html (date of access: 04.08.2022).

Hureauux R. (2015). L'incompréhensible politique étragère de la France // Le Figaro. - Paris. - 18.08. - URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/monde/2015/08/17/31002-20150817ARTFIG00280-syrie-l-incomprehensible-politique-etrangere-de-la-france.php> (date of access: 04.08.2022).

Jégo M., Kaval A. (2018). Erdogan tance Macron, accusé de soutenir les Kurdes en Syrie // Le Monde. - Paris. - 31.03. - URL: https://www.lemonde.fr/syrie/article/2018/03/31/erdogan-tance-macron-accuse-de-soutenir-les-kurdes-de-syrie_5279043_1618247.html (date of access: 04.08.2022).

Khabbachi S. (2021). Union pour la Méditerranée : à quoi sert-elle encore? // Jeune Afrique. - Paris. - 26.10. - URL: <https://www.jeuneafrique.com/1256442/politique/union-pour-la-mediterranee-a-quoi-sert-elle-encore/> (date of access: 04.08.2022).

Le Cam M., Bensimon C., Vincent E. (2021). Paris et ses alliés dénoncent le déploiement du Groupe Wagner au Mali // Le Monde. - Paris. - 24.12. - URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/12/24/paris-et-ses-allies-denoncent-le-deploiement-du-groupe-wagner-au-mali_6107209_3212.html (date of access: 04.08.2022).

Lema L. (2020). En Libye, un le marrevers de trop pour le maréchal Haftar? // Le Temps. - Geneva. - 29.05. - URL: <https://www.letemps.ch/monde/libye-revers-marechal-haftar> (date of access: 04.08.2022).

Lugan B. (2022). Histoire de Libye : des origines à nos jours. - Paris : Editions du Rocher. - 212 p.

Macron rencontre des représentants du Nord-Est. (2021) // L'Orient-Le-Jour. - Paris. - 20.07. - URL: <https://www.lorientlejour.com/article/1269067/macron-rencontre-des-representants-du-nord-est.html> (date of access: 04.08.2022).

Mardam-Bey F. (2016). Qui sont vraiment les «amis de la Syrie»? // Libération. - Paris. - 10.03. - URL: https://www.liberation.fr/planete/2016/03/10/qui-sont-vraiment-les-amis-de-la-syrie_1438790/ (date of access: 04.08.2022).

Mariotti A. (2021). La Honte de l'Occident : les coulisses du fiasco syrien. - Paris : Editions Tallandier. - 348 p.

Maussion F. (2021). Rafale : les pays du Golf, meilleurs clients de l'industrie militaire française // Les Echos. - Paris. - 04.12. - URL: <https://www.lesechos.fr/industrie-serrvices/air-defense/rafale-les-pays-du-golf-meii>

leurs-clients-de-lindustrie-militaire-francaise-1369613 (date of access: 04.08.2022).

Paris G., Mandraud I. (2015). François Hollande coincé entre les positions divergentes des Etats-Unis et de la Russie // Le Monde. – Paris. – 25.11. – URL: https://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2015/11/25/francois-hollande-coince-entre-les-positions-divergentes-des-etats-unis-et-de-la-russie_4817099_3218.html (date of access: 04.08.2022).

Pichon F. (2015). Syrie : pourquoi l'Occident s'est trompé. – Paris : Editions du Rocher. – 148 p.

Pouchard A. (2015). L'intervention militaire française en Syrie décryptée en 5 points // Le Monde. – Paris. – 27.09. – URL: https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2015/09/27/5-questions-sur-les-frappes-francaises-en-syrie_4773838_4355770.html (date of access: 04.08.2022).

Présidentielle libyenne : le 24 janvier 2022 comme date alternative. (2021) // Voa Afrique. – Washington, D.C. – 22.12. – URL: https://www.voaafrique.com/presidentielle-libyen-pas-de-scrutin-avant-le24-janvier-2022_6364830.html (date of access: 04.08.2022).

Ricard Ph. (2021). L'ombre persistante de la Russie et de la Turquie sur la Libye // Le Monde. – Paris. – 13.11. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/11/13/l-ombre-persistante-de-la-russie-et-de-la-turquie-sur-la-libye_6101945_3212.html (date of access: 04.08.2022).

Semo M. (2017). Emmanuel Macron justifie son «aggiornamento» au sujet de Bachar Al-Assad // Le Monde. – Paris. – 22.06. – URL: https://www.lemonde.fr/syrie/article/2017/06/22/macron-justifie-son-aggiornamento-au-sujet-de-bachar-al-assad_5149548_1618247.html (date of access: 04.08.2022).

Syrie : comprendre la position de la France. (2022) / Ministère de l'Europe et des Affaires étrangères. – Paris. – URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays-syrie-comprendre-la-position-de-la-france/> (date of access: 04.08.2022).

Syrie : le «small group» essaie de relancer le processus politique. (2018) // L'Orient-Le-Jour. – Paris. – 26.04. – URL: <https://lorientlejour.com/article//1112577/syrie-le-small-groupe-essaie-de-relancer-le-processus-politique.html> (date of access: 04.08.2022).

Touchard V. (2014). 1980–1983 : Libye–Tchad, de la seconde bataille de N'Djamena à celle de Faya Largeau // Jeune Afrique. – Paris. – 02.09. – URL: <https://www.jeuneafrique.com/46430/politique/1980-1983-libye-tchad-de-la-seconde-bataille-de-n-djam-na-celle-de-la-faya-largeau/> (date of access: 04.08.2022).

Veron M. (2011). Qu'a rapporté la visite de Kadhafi à la France? // L'Express. – Paris. – 22.02. – URL: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/qu-a-rapporte-la-visite-de-kadhafi-a-la-france_965242.html (date of access: 04.08.2022).

DOI: 10.31249/ape/2022.04.05

Chernega V.N.¹, 2022
**Assertive policy of France in Syria
and Libya**

Abstract. *The Syrian and Libyan directions of France's foreign policy are examined in the article in a broader context – its desire to secure a «sovereign» role in the Mediterranean region. In this regard, it is shown how French diplomacy, faced with a lack of financial and economic capabilities, has tried and is still trying to rely on the resources of the European Union in solving this problem. In general, however, due to the weak interest of non-Mediterranean EU states in this region, France has to rely mainly on its own resources. This applies in particular to Syria and Libya, where France lost influence in the previous decade due to its blunders and is now working to become an important player again. The article analyzes the reasons and consequences of the erroneous policy of France in these countries and the strategy of President E. Macron aimed at rectifying the situation. It is noted that his approach is characterized by greater realism than the tactics of his predecessors N. Sarkozy and F. Hollande. At the same time, with regard to Syria, E. Macron still could not or did not dare to overcome the original concept of denying cooperation with the B. Assad regime, which predetermined the preservation of the marginal role of France in this country. E. Macron's attempts to gain a foothold in Libya, first with the help of Marshal Kh. Haftar, then through participation in the process of conflict resolution, brought only ephemeral success in the form of an international conference in Paris on this issue in November 2021. France has not yet been able to oust other international players in Libya. In general, the Syrian and Libyan examples show the discrepancy between France's current ambitions and capabilities.*

¹ **Chernega Vladimir Nikolaevich** – Sc.D. in Law, Extraordinary and Plenipotentiary Envoy, Chief Researcher INION RAS (v.n.tchernega@gmail.com).

Keywords: *Mediterranean, France, Syria, Libya, Mali, conflict resolution.*

Статья поступила в редакцию (Received) 18.04.2022.

Доработана после рецензирования (Revised) 30.05.2022.

Принята к публикации (Accepted) 30.06.2022.